

*Биографии великих
Неожиданный ракурс*

Юрий Сущко

Последний роман
Владимира
Высоцкого

МОСКВА
2016

УДК 792.071(47+57)
ББК 85.334.3(2)6-8
С91

Сушко, Юрий Михайлович.

С91 Последний роман Владимира Высоцкого / Юрий Сушко. — Москва : Издательство «Э», 2016. — 384 с. — (Биографии великих. Неожиданный ракурс).

ISBN 978-5-699-88015-7

Отношения Владимира Высоцкого с Изой Мешковой, Люсей Абрамовой, Татьяной Иваненко, Мариной Влади, Оксаной Афанасьевой многое объясняют. Его голос. Его печальный взгляд. Строки его песен... «Я люблю – и значит, я живу...» Его душа была хрупкой и трепетной, а сердце его всегда было готово к самопожертвованию. Любовь заполняла мысли и чувства великого барда, она его рукой складывала ноты для новых песен. Даже если она иной раз возвращалась к нему стылым холодом. Даже если друзья Высоцкого считали, что именно женщины были виновны в преждевременной кончине поэта. Непостижимо... Наверное, они были не правы...

УДК 792.071(47+57)
ББК 85.334.3(2)6-8

ISBN 978-5-699-88015-7

© Сушко Ю., 2016
© Оформление.
ООО «Издательство «Э», 2016

**«Я ЛЮБЛЮ — И ЗНАЧИТ, Я ЖИВУ!»,
или «Я ЛЮБИЛ — И ЖЕНЩИН,
И ПРОКАЗЫ...»**

...Я это никогда не полюблю! —

финальный аккорд оказался настолько мощным, что одна из струн, не выдержав, возмущенно взвизгнула и тут же свилась в замысловатую спираль-петлю. Высоцкий огорченно посмотрел на свой верный инструмент, который так некстати его подвел.

Но тут же из-за кулис возник Гольдман, перехватил гитару и вполголоса шепнул: «Володя, не волнуйся. Сейчас все поправим, настроим. А ты пока на записки поотвечай. Лады? Вот, держи...» Высоцкий кивнул и обратился к залу:

— Ну что ж, воспользуемся паузой и немного поговорим. Вот мне передали ваши записки, — он развернул первую, — «Владимир Семенович, помните ли вы свою первую любовь?». Смешно. Надеюсь, этот вопрос возник не в связи с только что прозвучавшей песней «Я не люблю!», верно?

Вообще-то я на вопросы из личной жизни не отвечаю — сколько раз женат, разведен и так далее. Я вам сокровенных чувств не поверяю. Я считаю, что это лишнее... Если я вам буду рассказывать о своих

сокровенных чувствах, то они вам могут быть совсем неинтересны... А по поводу моей первой любви... Конечно, помню. Она же первая, как можно забыть?..

Никакого имени он, конечно, не назвал, а записку сунул в карман.

Возвращаясь после выступления в Долгопрудном в Москву, Высоцкий был в добром настроении. Его «Мерседес», как в песне, *«наматывая мили на кардан, ехал параллельно проводам»*, одновременно как бы откручивал в памяти давно минувшие годы...

* * *

На право быть именно первой активно претендовала Наденька Савина, с которой 10-летний Володя учился в школе в послевоенной Германии, где армейскую службу несли их отцы.

Вспоминая юные годы, Надежда Александровна рассказывала: «Володя не отходил от меня ни на шаг... Его в нашей школе звали «Хвостик» — он все время за мной ходил... Я была его первой детской любовью... Я сразу обратила внимание на вихрастого мальчишку с внимательным взглядом, едва он появился в классе. Он быстро стал заводилой, многие общественные дела держались на нем». Володя оказывал девочке знаки внимания, угощая собственноручной собранной черешней, краснея при этом под цвет спелых ягод...

Продолжения детская романтическая история не имела. Но Надежда Савина настаивала, что всегда испытывала к Володе нежные чувства. Как можно отказать почтенной даме в искренности чувств? После смерти Высоцкого, когда в Москве был создан мемо-

риальный музей, Надежда Александровна, перебирая дома старые фотографии, обнаружила несколько снимков, сделанных в послевоенной Германии. Решила при случае отвезти их в музей. «Был неприятный день, понедельник, но все-таки дежурные сотрудники позвонили сыну Высоцкого, — рассказывала она позже своим знакомым. — Он приехал, забрал поблекшие фоточки. Пожал мне руку. Но как-то мягко, вяло. Его отец с детства отличался крепким рукопожатием. Я искала в нем черты Володи, но почти не находила. Холеный Никита простился со мной, сославшись на занятость. Нет, Володя был не таким. Таких, как он, больше нет...»

Дотошные биографы, изучая публикации, в которых упоминалась школьная дружба Нади Савиной и Володи Высоцкого, снисходительно упрекали женщину в искажении некоторых фактов, мол, годы, годы... Однако Надежда Александровна непреклонно стояла на своем: «Я была его первой детской любовью!»

И — точка.

Очень жаль, сонетов не напишут
Про мои любовные дела... —

однажды обмолвился поэт с печальным сожалением. Но почему? Вряд ли предосудительным является внимание к деталям биографии той или иной выдающейся личности. И чем крупнее творец, тем больше внимания ко всем сторонам его жизни. Да, ко всем. Не зря же легенда Таганки, Алла Сергеевна Демидова, мудро сказала: «Не понять песен Высоцкого, если не знать, как он жил...»

* * *

«Идеал женщины? Секрет», — отвечал Владимир Семенович Высоцкий на один из вопросов каверзной анкеты, которую распространял среди актеров Таганки летом 1970 года простой машинист сцены Анатолий Меньшиков.

(Спустя восемь лет составитель анкеты, уже актер Вахтанговского театра, показал ее «ответчику». Высоцкий, перечитав свои ответы, удивился: «Надо же, и добавить нечего. Неужели я так законсервировался?»)

Лукавому болгарскому журналисту Любену Георгиеву однажды захотелось спровоцировать Высоцкого: «Вы ненавидите женщин, да?..» На что получил молниеносный ответ: «Ну что вы, бог с вами! Я очень люблю женщин... Я люблю целую половину человечества».

Не тая обиды на бывшего мужа, его первая жена Иза подтверждала: «Мне кажется, он любил всех женщин». Вторая жена Владимира Семеновича Людмила Абрамова говорила: «Пусть меня найдет и плюнет в лицо тот, кто сможет доказать, что Володя когда-нибудь за глаза плохо говорил о женщинах. Уверена, что этого не было! Никогда никому не поверю, если кто-то будет это утверждать...»

Предлагаемые заметки не претендуют на повторение легендарного «донжуанского списка» Пушкина. Скорее это осторожная попытка создания хроники и анализа взаимоотношений Владимира Семеновича с той «целой половиной человечества», разгадки таинственного «секрета» Высоцкого.

* * *

«Ему почти шестнадцать, — вспоминала Володина кузина Ирэн Высоцкая. — Счастливая пора пробуждения чувств, первых встреч... Одной из таких первых романтических привязанностей Володи стала юная родственница нашего соседа, известного закарпатского художника Эрдели, на редкость красивая девушка. Так и вижу: она стоит по одну сторону забора, разделяющего наши дома, он — по другую. Беседы тянутся за полночь. И уже тогда, в этих робких ухаживаниях, проявляется столь присущее ему на протяжении всей жизни рыцарственное, уважительное отношение к женщине: будь то мать, любимая, любой близкий или даже посторонний человек...»

Судьбы большинства женщин Высоцкого — сами по себе не просто удивительны. Это — сложнейшие, удивительные, нередко трагические жизненные новеллы. Утаить, предать их забвению — грешно.

Зачастую в стихах и песнях он с документальной точностью называл свои юношеские сердечные привязанности: «...А черненькая Норочка /С подъезда пять — айсорочка...», «А помнишь, Кира, Норочку?/ — красивая айсорочка.../ Лафа! Всего пятерочка, /и всем нам по плечу...», «Пойдемте с нами, Верочка!/ — цыганская венгерочка...», «А помнишь — вечериночки/ У Солиной Мариночки/ Две бывших балериночки/ В гостях у пацанов?..»

Знавший Высоцкого, как говорится, с молодых ногтей, Аркадий Свидерский в своих записках вскользь упоминал некую Наташу Панову, чью фамилию будущий классик позднее остроумно зашифровал в песне «На Большом Каретном»:

Стало все
По-новой там,
Верь — не верь...

По-новой? — «Па-новой»?!

Инга Окуневская слышала от Левона Кочаряна, что «у Володи был роман с Наташей, которую я хорошо знала. Внешне она была очень похожа на Марину Влади — высокая, стройная блондинка славянского типа — голубоглазая, круглолицая, очень сексуальная». При этом Инга деликатно намекала, что Панова, поговаривали, много потом пила и впоследствии, к сожалению, закончила жизнь нехорошо.

Совершеннолетие, разумеется, прекраснейший возраст для романтических ухаживаний. Летом того же 1954 года, чудом оказавшись на черноморском побережье, Володя радостно сообщал своему школьному приятелю Володе Акимову: *«Ты понимаешь, скучать я здесь не буду... В начале августа поеду жить в Сочи, а там грех скучать. Море, вернее, на море я упал... В Адлере тоже есть к а д р ы, довольно приличные».*

Школяра Высоцкого безумно раздражало существовавшее в ту пору раздельное обучение мальчиков и девочек. Игорь Кохановский вспоминал, как их, десятиклассников, накануне 7 ноября пригласили на праздничный вечер в соседнюю, девчачью, 187-ю школу. Чопорная атмосфера званого торжества Владимира выводила из себя: «Он говорит: «Слушай, Гарик, нужно что-то придумать, а то все девчонки сидят, скука такая, стихи какие-то читают — кому это все нужно?!» ... Тогда — это был 55-й год ... — у нас ходили анекдоты-переделки басен Крылова на

армянский вариант, там всякие смешные сюжеты получались».

Басни эти ребята, конечно, успешно продекламировали, но в итоге получили по «трояку» в табеле по поведению. А друзья-то рассчитывали на медали... Таким был первый щелчок по носу Высоцкому за легкомысленное желание угодить девочкам.

Игорь Кохановский вздыхал, но по другому поводу: «Володя был в центре внимания, все девушки — его! У меня, конечно, белая зависть...»

«Я ЖЕНЩИН НЕ БИЛ ДО СЕМНАДЦАТИ ЛЕТ...»

Сегодня всем известна легендарная «большекаретная» компания Кочаряна, Макарова, Высоцкого, Акимова, Утевского и других, в которой что ни день возникали новые яркие персонажи, в том числе, разумеется, и женского пола.

Относительно роли последних будущий писатель Артур Макаров говорил: «Девушки... чувствовали совсем другое отношение и сами начинали к себе по-другому относиться. Изысканные комплименты Тарковского, Володиных песни...

Рыжая шалава, от тебя не скрою:

Если ты и дальше будешь свой берет носить...

«Шалава»? ... В этом не было ничего оскорбительного. Шалава — это было почетное наименование, это еще надо было заслужить...»

Аркадий Свидерский уточнял, что в их компании действовал свой устав, коим предписывалось особое

отношение к женщине. Не как в уставе ВЛКСМ — «по-товарищески», а по-рыцарски. Хотя «главный идеолог» Каретного, Макаров, проповедовал «домострой»: женщина должна быть под каблуком, и его клич «Назад, к домострою!» и кредо Андрея Тарковского «Жена нужна лишь для уюта!», безусловно, туманили молодые головы. Но главное, как отмечал Михаил Рощин, «Лева Кочарян, Артур Макаров, Гриша Поженян учили нас «мужчинству»: не трусить никогда, защищать слабого, платить первым, в крови стоять за друга, жалеть детишек и баб. Но пуще всего — беречь свою честь, держать марку, не подличать ни ради чего».

Юный Высоцкий был очень внимателен к сердечным увлечениям своих старших друзей. Видя, как «Толян» Утевский жутко страдает, не в силах преодолеть равнодушие некой милой сокурсницы, Владимир предложил: «А давай ей стихи напишем?» Стихи он, правда, не написал, но на «пост любви» у дома девушки заступил. И когда пассия все же снисходила и соглашалась на предложение Утевского прогуляться, сопровождал их, как верный паж, развлекая шуточками и смешными проделками.

К кочаряновской компании девушек притягивала не богемная обстановка, а легкий, веселый, творческий флер, душевная атмосфера. Каждый из ребят старался отличиться, тащил на суд друзей что-то свое — кто стихи, кто услышанную вчерашним вечером песню, кто наброски рассказа, кто просто свежий анекдот про нового хозяина Кремля Никиту.

Но главное — девушки всегда могли рассчитывать на покровительство, защиту и поддержку своих

друзей. Только благодаря их вмешательству соседке Кочаряна Елизавете Никищихиной, например, удалось-таки осуществить свою заветную мечту — стать актрисой.

Когда отец 16-летней Лизы узнал, что она собирается поступать в театральную студию, его гнев не было предела: «Ты что — проституткой хочешь стать»?!. И принялся учить уму-разуму. И это в предновогодний вечер — 31 декабря 1957 года! Левон как раз был дома, дожидался друзей, чтобы всей компанией отправиться на подмосковную родительскую дачу.

«Когда отец выяснял со мной отношения, — рассказывала Лиза, — в общий коридор вышли покурить Лева, Володя Высоцкий, Андрей Тарковский — совсем еще мальчики... Увидев эту картину, они отца, значит, это самое... ну, как-то успокоили и сказали, что мне нельзя здесь оставаться. Я собрала вещички и поехала с ними на дачу, к елке, возле которой играли дети, было тепло и пахло пирогами... Потом пошла в театр, а через некоторое время сняла комнату. Полгода спустя отец примирился и вернул меня домой...»

Из дома на Большом Каретном не выбывали «приятные во всех отношениях» девушки, ухаживать за которыми доставляло сплошное удовольствие. Высоцкий, как-то заглянув к Утевскому, уже служившему в Московской горпрокуратуре, сразу узрел прекрасную незнакомку: «Кто такая?» — «Валя Шпак. Наша сотрудница». — «Очень хорошо!»

Слово за слово, и вечер завершился в гостях у Кочарянов. В кафе ходили редко, лишь когда позволяли

финансовые возможности. Володя-то тогда вообще был без копейки, откровенно сожалела Валя. Но подчеркивала: «Высоцкого все любили. И женщины в том числе. Красавцем его не назовешь, но он был очень обаятельным и большая умница. И напористым он был, конечно».

Жена Левона Кочаряна Инна (профессиональный чтец Москонцерта) вместе со своей подругой, соседкой по дому Ингой Окуневской, едва собиралась компания, тут же «ставили под ружье» всех вновь прибывших девушек — они шустрили по кухне, собирая нехитрую закуску с обязательным участием обожаемой всеми баклажанной икры (с лучком!), сервировали стол и только потом уже получали право принимать участие в пиршестве.

Ну а появлявшиеся обычно чуть позже и в сопровождении постоянных кавалеров — Люся Марченко с Олегом Стриженовым, Жанна Прохоренко с Артуром Макаровым, Нонна Мордюкова кое с кем — вступали в кочаряновские «апартаменты» «королевами бала». А что? Имели право!

Нонна, еще студенткой ставшая лауреатом Сталинской (!) премии за роль Ульяны Громовой в фильме «Молодая гвардия». Жанну поголовно обожали после народной «Баллады о солдате». Визитной карточкой юной Люси стала героиня Достоевского в картине «Белые ночи». Кино творило чудеса.

Молодежь пела, веселилась, танцевала. Левон, сам неплохо владевший гитарой, первым осознал значение только-только появившихся магнитофонов и для пробы стал записывать на свой «Спалис» застольное песнопение друзей. У каждого был свой сольный но-

мер: Олег Стриженов исполнял «Если я заболею», Анатолий Утевский — «Сам я — вятский уроженец», сам Кочарян — «Как много девушек хороших...» и «Заскакиваю на хазу...», Нонна Мордюкова любила петь пастернаковскую «Свечу» и «Обронила я колечко», баловалась частушками, а Высоцкий, конечно, славился своей «Татуировкой»:

Не делили мы тебя и не ласкали,
А что любили — так это позади...

Строгая «прокурорская» девушка Валя Шпак вспоминала: пели все, даже у кого со слухом было не ахти. Володю иногда просили попеть, а когда — и нет. Порой он даже надоедал. Зато все покатывались от его устных рассказов.

Нонна Мордюкова не скрывала: «Володю тогда старалась избегать — он был беспокойным, мне не нравились его песни, вернее, их содержание и его манера исполнения. Теперь-то я уж понимаю, как ошибалась: вникнув в смысл, я осознала величину его таланта...»

«И МЫ С ТОБОЮ СРАЗУ СТАЛИ ЖИТЬ, НЕ ОПАСАЯСЬ ПАГУБНЫХ ПОСЛЕДСТВИЙ...»

В школе-студии, где особо почитались устоявшие традиции, наш студент среди однокурсниц «любовей» благоразумно старался не заводить, следуя всем известному правилу... Хотя «кадры» среди них, безусловно, имелись. Достаточно вспомнить имя будущей и самой, пожалуй, яркой телеведущей совет-

